

**НОВИНКИ
ФАНТАСТИКИ
по ДОСТУПНОЙ
ЦЕНЕ!**

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕРГЕЙ ДОБРОХЛЕБ
ЕВГЕНИЙ ТОВСТОНОС

НАША СЛУЖБА...

**Сергей Доброхлеб
Евгений Товстонос
Наша служба**
Серия «Народная фантастика»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706614

*Наша служба : фантастический роман / Сергей Доброхлеб, Евгений Товстонос: Эксмо; Москва;
2014*

ISBN 978-5-699-70977-9

Аннотация

Свежеиспеченный сержант ГАИ Антон Прокофьев прибывает на пост № 376 для прохождения службы. Антон горит желанием образцово исполнять свои служебные обязанности, но его наставник старшина Беляев, которого все называют просто Семенычем, не спешит. Семеныч опасается, что молодой, горячий гаишник от излишнего рвения что-нибудь напортачит. А тут как раз пришло распоряжение осмотреть космический корабль, экипаж которого подозревается в провозе запрещенных веществ. Дело усложняется, когда в указанное время вместо одного корабля появились три. И, как назло, на каждом есть предметы, которые можно расценивать как контрабанду! Ведь даже обычный магнит для холодильника на некоторых планетах считается оружием! Вот и приходится служивым выкручиваться... Впрочем, в буднях Гиперпространственной Астроинспекции и не такое бывает...

Содержание

Стажёр	5
Не подарок	32
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Доброхлеб, Евгений Товстонос

Наша служба

© Доброхлеб С., Товстонос Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Стажёр

В двадцать пятом веке человечество справилось с большинством проблем. О болезнях позабыли, от голода избавились, глобальное потепление остановили, перенаселение и истощение земных ресурсов компенсировали освоением других планет, развитие науки и техники шагнуло далеко вперёд благодаря торговле и сотрудничеству с другими, внеземными, цивилизациями.

Но есть две беды, которые никогда и никуда не исчезнут. Это дураки и дороги. Сейчас, когда асфальт сменился космическим вакуумом, перекрёстки – гиперпространственными вратами, фонари – светом чужих солнц, дураки попадают не только с Земли. И за всем этим нужно кому-то следить.

На окраине галактики, вдали от основных торговых путей и больших магистралей, у гиперпространственных врат зависла старенькая станция, сине-белая окраска которой вполне однозначно намекает водителям приготовить деньги в случае нарушения правил. Впрочем, даже если правила и не были нарушены, то приготовить кошелек всё равно не помешает. Потому что корабль приближается к посту ГАИ. Гиперпространственной Астроинспекции.

– Выход из гиперпространства через одну минуту, – разнёсся по каюте гадкий скрипящий голос.

Сержант Антон Прокофьев в который раз задумался, почему во всех корабельных компьютерах голос, оповещающий о важных событиях, звучит настолько мерзко и неестественно? Неужели нельзя записать нормальную человеческую речь, которую приятно слышать?

По замыслу «башковитых» учёных, модуляции голоса должны были раздражающе действовать на пилота и приводить его в состояние полной готовности.

Вскоре после нововведения техникам пришлось добавить металлические решётки на динамики, которые начали слишком часто выходить из строя по причине всяческих «необъяснимых происшествий».

Пилот щёлкнул тумблером, включая внешние камеры. На экране закружился сиреневый туман, разрываемый изредка бирюзовыми сполохами, свидетельствующими о близости «перекрёстка».

В следующий миг изображение пошло рябью, и экран залила чернота исколотого точками звёзд космоса. Катер покинул гиперпространство и вышел из врат «перекрёстка».

– Ну, вот мы и на месте, – сказал пилот, переключаясь на ручное управление. – Это твой новый дом на ближайшие три месяца.

Антон открыл было рот, чтобы ответить, да так и остался сидеть, когда рассмотрел пункт своего назначения. Пост ГАИ расположился неподалёку от врат, контролируя входящий и выходящий поток кораблей. Впрочем, потоком называть тут было нечего. Даже струйки не было. Лишь капля транспортника, на котором летел сержант Прокофьев, да сам пост.

Сознание Антона бессовестно вынуло из памяти образ мирмидонского образцово-показательного поста ГАИ, на котором сержанту посчастливилось прослужить аж три дня, пока не пришёл приказ о переводе. У двух станций было лишь одно сходство. Увидев обе, Антон подумал: «Неужели такие посты бывают?» Вот только в отношении мирмидонского поста эта фраза была произнесена с трепетом и восторгом, а о новом месте – с ужасом, недоумением и даже отвращением. Посту ГАИ, на котором сержанту предстоит проходить стажировку, было лет... Не знал Антон таких больших чисел.

– Найди миллион различий... – лишь смог выдавить сержант.

– Что-что? – полюбопытствовал пилот.

Антон мотнул головой.

– Это я так. Мысли вслух.

Вот ведь как жизнь может повернуться. Неделю назад лучший выпускник школы ГАИ получил назначение на мирмидонский образцово-показательный пост по программе обмена опытом. А потом пришло сообщение, что мирмидонский курсант, проходивший службу на человеческом посту, по каким-то причинам попал в реанимацию, – деталей Прокофьев, конечно же, не знал, – и сержанта отправили на его замену.

Тем временем пилот вызвал пост. Сначала ответа не было, потом экран включился.

– Борт 1675к просит разрешения на стыковку, – отчеканил пилот.

Прокофьев пытался понять, что же он видит на экране связи. Вместо человеческого лица – что-то большое, чёрное и ребристое.

– Давай. Жду, – послышался ответ, потом большое чёрное дёрнулось вверх, вниз, и экран погас. Только спустя минуту Антон понял, что именно это было. Подошва ботинка. Кто-то включил и выключил связь каблуком.

– Сейчас немного потрясёт, – заявил пилот и направил катер к шлюзу.

Прокофьев с минуту пялился в пустой экран. Всё было неправильно! Не по правилам!

– Погодите! – воскликнул он. – Что вы делаете! А как же протокол связи? А пароль? А отзыв? А...

– Ты чего всполошился? – насмешливо спросил пилот. – Как фотомодель с похмелья перед зеркалом?

– Но мы ведь не видели даже лица! – попытался возразить сержант. – Только ступню!

– Вот именно. Ступню. Если б там какая-то клешня была или ложноножка – тогда да!

А так – ничего страшного, – беззаботно ответил пилот. – Пристыкуемся – и увидишь всё остальное.

Больше Антон не спорил. Всё начиналось определённо не так, как рассчитывал лучший выпускник школы ГАИ.

Стыковочный шлюз, на котором виднелись следы ржавчины, мерзко заскрипев, отодвинулся, и вслед за пилотом сержант Антон Прокофьев ступил на борт поста ГАИ 376.

Когда навстречу им вышел человек, рука Прокофьева автоматически взметнулась вверх.

Стоящий перед ними старшина не вписывался ни в какие, даже самые широкие представления о том, как должен выглядеть нормальный гаишник.

Старшине было за сорок, невысокий, полноватый, давно не бритый, с взлохмаченными редееющими волосами. Но ладно бы только неряшливый внешний вид! Форма! Вот что четвертовало Прокофьеву мозг. Цветастая гавайка, к которой на плечах крепились погоны, шорты и ботинки!

Впрочем, в таком виде старшина идеально вписывался в окружающий интерьер. Изъеденные ржавчиной стены, пыль по углам, затёртое до дыр пластиковое покрытие на полу. Зато сержант Прокофьев, со своими идеально отутюженными стрелками на брюках и сияющей кокардой на фуражке, выглядел на посту ГАИ 376 инородней, чем башмак на сковородке.

– Семёныч! – воскликнул пилот и, раскинув руки, шагнул навстречу старшине.

– Пирожок! – в тон пилоту воскликнул старшина, и они крепко обнялись, похлопывая друг дружку по спине.

– Ты как тут оказался? – спросил у пилота старшина, абсолютно не обращая внимания на вытянувшегося в струнку Прокофьева. – Вроде ж следаком на Мирле служил, а сейчас вот шоферишь.

– Понизили, – вздохнул Пирожок.

– Облажался?

– Можно и так сказать. У них там все на этикетке помешаны. А ситуация вот какая приключилась: вышли мы на след убийцы. Ворвались в дом, начали обыск. Я – на кухню, а он там и прятался. Здоровый, надо заметить, оказался, зараза. Налетел на меня, ствол выбил, душить начал. Я думал, хана мне, а тут под руку нож попался. Ну, я его и пырнул...

Семёныч понимающе кивнул.

– Значит, за превышение полномочий...

– Не-а. Мне бы за то, что убийцу обезвредил, ещё и благодарность выписали, но нож, которым я его ударил, оказался для рыбы...

Пилот на миг замолчал, видимо, тяжело было вспоминать.

– В общем, на суде прокурор обвинил меня в вопиющем непочтении к их законам этикета. Ибо где ж это видано, чтоб ножом для рыбы резали мясо? Это у них статья похуже убийства или государственной измены. Чуть ли не вышка светит. Да полковник наш вступился. Так что сняли лычки и перевели на развозку... – Пилот махнул рукой. – Да что я! Тебя-то в эту клоаку за какие прегрешения?

– Повысили! – с гордостью ответил старшина.

– Повысили?

– Ага. Обезвредил опасного террориста.

Антон с уважением поглядел на Семёныча. Вот ведь сюрприз! А он-то думал, что этот толстячок в гавайке ни на что и не способен.

– Ух ты! Ну-ка рассказывай, – потребовал пилот.

Семёныч хитро сощурился.

– Тебе какую версию? Ту, которую я начальству докладывал, со стрельбой и погонями, или как по правде было?

– Конечно, как было!

– Ну, знача, дело было так: служил я в секторе КТ 13. На редкость паскудное местечко. Пояс метеоритов, частые солнечные бури, постоянные перебои со связью. Чёрных дыр в округе столько, вроде кто-то из дробовика шмальнул! Зато спокойно. Почти никто не летает. Вдобавок ко всему этому счастьем там возникла ещё одна чёрная дыра. Точнёхонько на трассе. Я должен был всех, кто двигался по этому маршруту, в объезд посылать. Ну, знач, семафорю всем, разворачиваю. И тут несётся новёхонький «Крайслер». Я останавливаю, рассказываю водиле, что так, мол, и так, дорога закрыта, давай в объезд. А он как раскрыл пасть: «Да ты знаешь, кто я! Да ты знаешь, куда я? Да ты знаешь, что я с тобой?» Короче, довёл он меня. Ну, я, недолго думая, и пропустил его на закрытую дорогу. Весёленькое зрелище было. Я сфоткал, покажу как-нибудь. Так вот, оказалось, что это был террорист. Вёз пару кило тонн взрывчатки на ближайшую планету, там должен был какой-то конгресс состояться. Вот и получается, что я всех спас.

Пилот Пирожок захохотал, а Прокофьеву было не до смеха. Это как так можно! Человека – и в чёрную дыру! И с этим недоразумением Антону служить?

– Ты, как всегда, в своём репертуаре, – отсмеявшись, заметил Пирожок.

– Стараюсь! – жизнерадостно ответил Семёныч.

Наконец-то старшина обратил внимание на Антона и долгим критическим взглядом на него посмотрел.

– А длинноногих голубоглазых блондинок не было?

– Ну, уж извини. – Пилот развёл руками. – Знакомься. Сержант Антон Прокофьев. Твой стажёр и напарник.

Пирожок повернулся к Антону и указал на старшину.

– Старшина Беляев. Твой наставник и напарник на ближайшие три месяца.

– Это что, шутка? – вырвалось у Прокофьева прежде, чем мозг успел подать сигнал челюстям закрыться и прикусить язык. К счастью, старшина не обратил внимания на такое вопиющее нарушение субординации.

– Да, он шутит. Ну какой я Беляев? Называй меня просто Семёнычем.

– Кстати, Семёныч, – заявил пилот. – Рыков просил тебе в очередной раз передать, что, если и этот стажёр после общения с тобой откажется от службы в ГАИ, – ты пойдёшь в отставку следом.

Старшина посмурил.

– Ну вот. Рыков, как всегда, испортил всё веселье. Я разве виноват, что он мне вечно присылает каких-то психически не уравновешенных, физически недоразвитых и эмоционально нестабильных курсантов?

Прокофьев решил не воспринимать эту фразу на свой счёт. В конце концов, они со старшиной ещё даже словом перекинуться не успели. Не может же он всех под одну гребёнку! Или может?

Старшина повернулся к Антону.

– Пьёшь? – спросил Семёныч.

– Никак нет, товарищ старшина!

Семёныч тяжело вздохнул и поглядел на сержанта, как глядят на нечто, казалось бы, полезное, но не в этом месте и не в это время. Вроде перфоратора в магазине женского нижнего белья.

– Значит, сегодня отдыхай. – Старшина повернулся к пилоту и подмигнул. – И мы отдохнём. Ты ж не спешишь? Айда за мной.

Старшина с пилотом шли по коридору станции, весело болтая, а Прокофьев тащился следом с сумкой за плечами и старательно не замечал перегоревших лампочек под потолком, вонившей плавающей изоляции, облезшей краски. План эвакуации, изображающий коридоры военного линкора, а не поста ГАИ, наверняка закрывал какую-нибудь дыру.

– Слушай, Семёныч, объясни, что там случилось с твоим предыдущим напарником? Мирмидоном? – спросил старшину пилот. – Как он в больницу попал? А то слухи самые разные ходят.

Прокофьев наострил уши. Как говорил их инструктор по выживанию в непредвиденных ситуациях: собирая информацию об аварии, не спрашивайте, как погибли пассажиры, спрашивайте, как выжили. Второе вам пригодится больше.

– Ему пилот-дисканец ноги сломал, – ответил старшина.

– Так почему дело замяли?

– А он превысил полномочия.

– Сильно превысил? – с сомнением спросил пилот.

– Ага. Дал по роже супруге пилота.

Пирожок даже остановился посреди коридора.

– Чёт я не понял. Мирмидоны же никогда не лезут в драку! Самая мирная и справедливая раса!

– Ты бы слышал, что она ему заявила, когда он закурил.

– Но они не курят!

– Курят. Когда выпьют.

– Так они же не пьют!

– Ты бы тоже выпил, если бы проиграл штаны.

Пилот понимающе ухмыльнулся.

– Ты что, уговорил его в карты сыграть?

– Он сам предложил партию.

– Так им же религия запрещает азартные игры!

– Я ему то же самое говорил, но он почему-то считал, что обыграть меня в карты – это хороший способ избавиться от внеочередного дежурства.

– Плохо он тебя знал. Нет таких способов, чтоб у тебя от дежурства избавиться.

– Это – да!

Они свернули за угол, и старшина остановился перед проржавевшей дверью.

– Ну вот оно, твоё жилище. Располагайся, сержант. Если в ближайшее время появятся вопросы – запомни их. Задашь утром. Хотя нет. Лучше забудь. Чего в голове глупости держать?

Комната, в которой Антону предстояло жить во время стажировки, ничем примечательным не отличалась. Стандартное станционное помещение. Из мебели – кровать, стол, стул да шкаф для личных вещей. Радовало одно – в отличие от всей станции здесь было сравнительно чисто. Вероятнее всего, это была заслуга не старшины, а предыдущего жильца – мирмидонца.

Антон поставил сумку на пол, присел возле неё, расстегнул молнию и тут заметил, как что-то блеснуло под кроватью. Он подошёл поближе, нагнулся и достал привлёкший его внимание предмет. Это оказался дротик для игры в дартс. Прокофьев осмотрелся, мишени нигде не было. Сержант пожал плечами, бросил дротик на стол и вернулся к сумке.

Достал аккуратно упакованную сменную форму и разложил на кровати. Расстегнул чехол, поднял к глазам, критически смахнул пару пылинок и повесил её в шкаф. Туда же отправилась смена белья.

Предметы гигиены Прокофьев собирался сунуть в ящик. Открыл его и там обнаружил «мишень» для игры в дартс. Это оказалась доска с приклеенным к ней портретом. Лицо было настолько изъедено дырками от дротиков, что понять, кто на нём изображён, можно было лишь по гавайке с погонами.

Перерыв остальные ящики, Антон обнаружил: утыканную иглами куклу вуду в гавайке, пару рисунков, на которых старшина погибал самыми ужасными смертями, а также блокнот, где на первой странице было написано: «Семёныч», а внизу шли ругательные эпитеты на самых разных языках. Список занимал пару десятков страниц, и по тому, что был исписан различными чернилами и почерками, можно было понять, что писал его отнюдь не один человек. Немного подумав, Антон решил не выбрасывать находки и засунул их поглубже в ящик.

Спать Антону не хотелось, выпался на катере, пока летели, поэтому, распахав вещи из сумки по комнате, Антон решил прогуляться по станции.

Стандартный пост был спроектирован так, чтобы сотрудники ГАИ без особого дискомфорта смогли провести здесь трёхмесячную вахту. Помещения делились на две категории: повседневные и служебные. К первым относились каюты, кухня, санузел и комната отдыха. К служебным – пост, с которого осуществлялся контроль над гравитационным захватом для нарушающих ПДД кораблей и связь с другими постами и штабом, несколько камер, необходимых для задержанных нарушителей, ангар с двумя патрульными катерами и шлюзами для пристыкованных кораблей и трюм для конфиската, размерами превосходящий ангар. Видимо, создатели, проектировавшие станцию, рассчитывали, что ежедневный улов инспекторов будет равен как минимум пяти тоннам груза.

Обычно вахту на станции посменно несли три инспектора, однако за постом 376 закреплены только два гаишника. Как объяснили Антону, причиной тому было слабое движение в данном секторе. А на ухо нашептали другое: начальство просто боится присылать местному старшине третьего во избежание хронических головных болей у всех сотрудников поста по утрам.

Антон проснулся по привычке за пару минут до звонка будильника.

Первым делом он отправился в тренажёрный зал. Открыв дверь, он был приятно поражён, увидев огромное количество новейших тренажёров. И в той же мере он был поражён неприятно, когда через пару секунд осознал, что все они изображены на фотообоях. В самой же тренажёрке из инвентаря была только полутонная гиря, не предназначенная для людей, и две трёхкилограммовые гантели, пусть и предназначенные для землян, но уж очень хиленьких.

Критически осмотрев это «изобилие», Антон решил импровизировать. В качестве турника он использовал идущую к санузлу водопроводную трубу. Подтянувшись двадцать раз, Антон установил на магнитных ботинках двойную гравитацию и сделал ещё десяток подтягиваний. Он бы ещё пробежался, но просто наматывать круги по станции было негде, а беговая дорожка здесь отсутствовала. Сержанту не хватало тренажёрного зала, к которому он привык в учебке и на прошлом посту. Больше всего он любил беговую дорожку с виртуальной кабиной, где можно было настроить любую реальность. Хочешь пробежаться по берегу моря – без проблем. По лесу – пожалуйста! Для любителей бегать очень быстро можно было попробовать убежать от виртуальной опасности. Причём аппарат считывал из мозга спортсмена самую жуткую фобию и выстраивал виртуальную реальность так, что перепуганный до смерти бегун вынужден был нестись что есть мочи. Некоторые использовали кабинку не по назначению. Например, их тренеру по физподготовке очень нравилось совершать пешие прогулки по водной глади.

Закончив с утренней гимнастикой, Антон принял душ и отправился на пост. Он просто рвался в бой! Теперь нужно найти старшину и получить от него распоряжения.

К удивлению Антона, Семёныча на мостике не оказалось. Это вызвало у него недоумение и раздражение. Он-то ожидал, что старшина давно уже на рабочем месте.

Антон сверился с пультом – пристыкованных кораблей не было. Значит, доставивший его катер уже улетел.

Где же старшина?

Антон прошёл к комнате Семёныча. Дверь была заперта. Он тихонько постучал, но ответа не получил. Антон пожал плечами и отправился на кухню позавтракать.

Там его ждал неприятный сюрприз в форме клубов дыма и въевшегося за ночь запаха сигарет. В урне валялось несколько пустых бутылок, а на столе – остатки нехитрой закуски.

Антон скривился, включил вытяжку. Вытяжка чихнула, заискрилась, и к сигаретной вони добавился запах горячей изоляции. Антон чертыхнулся и быстро нажал на выключатель.

Нужно будет сообщить Семёнычу. Не хватало только пожара!

Хорошо хоть готовить самому не нужно. Вон в углу роботоповар. Прокофьев подошёл к автомату и прошёлся глазами по меню. Гречневая каша, картошка фри, яичница, отбивные, сок фреш.

Негусто. Ни в какое сравнение не идёт с ассортиментом на станции мирмидонов. Ну да ладно. Мы не гордые.

Недолго думая, Антон выбрал картошку фри и нажал кнопку заказа. Автомат деловито загудел, лампочка раздатчика сверкнула зелёным, и в клубах пара в приёмном окошке появилась тарелка с картошкой фри.

Плохое настроение Антона начало улетучиваться. Он взял тарелку двумя руками, поднёс её к лицу, зажмурился и с удовольствием втянул носом... запах гречки.

Прокофьев открыл удивлённые глаза и уставился на блюдо. Так и есть. Несмотря на золотистую корочку и прямоугольные кусочки – фри было явно сделано из гречки.

Антон поставил тарелку на стол и озадаченно почесал затылок. Видимо, автомат не настроен. Ну и ладно. Гречка так гречка. Антон щёлкнул на кнопку «свиная отбивная» и

через минуту получил отбивную. Только от свинины там ничего не было. Гречка. Снова гречка.

Это уже начинало походить на какой-то глупый розыгрыш.

Антон щёлкнул на кнопку «апельсиновый фреш», и его опасения оправдались. Он получил какую-то буро-коричневую жидкость в стакане, от которой жутко пахло гречкой.

Вылив псевдофреш в раковину и набрав в стакан воды из-под крана, Антон сел завтракать.

Старшина появился, когда Антон, морщась, дожёвывал гречневую отбивную.

Прокофьев вскочил, козырнул.

– Доброе утро, товарищ старшина!

Семёныч скривился и приложил палец к губам.

Он тяжело опустился на стул, взял со стола стакан Прокофьева с холодной водой и приложил его ко лбу.

– Ненавижу вставать в такую рань, – пробормотал Семёныч.

– Прошу прощения, но уже одиннадцать часов.

– Да хоть двадцать. Здесь всегда темно. Значит, если не выспался – то рань.

Семёныч тяжело поднялся и направился к робоповару. Что-то пощёлкал, и в приёмнике показалась бутылка пива.

Под ошарашенным взглядом Антона он огляделся, подошёл к столу, взял фуражку Прокофьева и кокардой открыл бутылку.

У Антона от такой наглости отнялся язык. Пока он соображал, что сказать, Семёныч недовольно посмотрел на согнутую кокарду и произнёс:

– Не тот металл уже. Старыми кокардами даже консервы можно было открывать.

Старшина бросил фуражку на стол и приложился к бутылке.

– Товарищ старшина, разрешите обратиться.

– Ну?

– Смею заметить, что курение в помещениях станции запрещено. Это неразумное расходование кислорода.

Семёныч повернулся к Прокофьеву, долго глядел на него, потом кивнул в сторону иллюминатора и заявил:

– Ну открой окошко, проветри.

Антон поперхнулся от такой наглости:

– Я... Но...

– Да не парься. Я не курю, а Пирожок утром улетел.

Прокофьев заткнулся и продолжил грызть гречку. Запив её водой, он бросил посуду в мойку. В этот момент Семёныч допил пиво и снова направился к робоповару. Прокофьев мстительно поглядел ему вслед. Пусть теперь старшина давится этими суррогатами.

– А почему у нас всё из гречки? – спросил Антон.

– Она полезная.

Семёныч что-то пощёлкал на клавиатуре, и вскоре достал из окошка тарелку. На ней красовался сочный бифштекс. От него тут же понесло запахом хорошо прожаренного мяса.

У Прокофьева отвисла челюсть.

– А почему у вас нормальная еда?

– Потому что я гречку не люблю, – ответил Семёныч, захватил тарелку и вышел из кухни.

Помыв за собой посуду, Антон отправился на пост. На этот раз он обнаружил там Семёныча. Правда, старшина не сидел за пультом, а развалился в большом кресле, закинув ноги на журнальный столик, и решал трёхмерный кроссворд.

Не отрываясь от своего занятия, Семёныч произнёс:

– Знач так, садись, пиши отзыв о проведённой стажировке.

– Зачем? – опешил Прокофьев.

– Я подпишу.

– Я ж ещё ничего не сделал!

– Вот и пиши, пока ничего не сделал и я ещё согласен подписать.

– А как же три месяца стажировки? – растерянно спросил Прокофьев.

– Оно тебе нужно? Придумай что-нибудь, поставь себе оценку «отлично» и радуйся жизни.

– Но... Так нельзя! А как же приобретённый опыт? Практические навыки? Я категорически против!

– И где вы только берётесь такие на мою голову, – пробурчал старшина и перестал обращать на сержанта внимание.

Раздался сигнал, и из врат вышел корабль. Радар замигал красным: допустимая скорость превышена почти вдвое.

Антон рванулся к кнопке захвата. При её нажатии силовое поле поймало бы корабль, погасило двигатель и подтащило нарушителя к посту ГАИ. Но до кнопки Антон не добрался. Семёныч поставил ему подножку, и сержант лишь чудом не грохнулся на пол.

– Не трогай, – спокойно заявил старшина.

– Но... Он же превысил скорость! А вдруг бы здесь кто-то был? Это же аварийная ситуация!

– Антоха, ты чё, решил установить рекорд по скоростному спуску с карьерной лестницы? На раскраску глянь.

Прокофьев повернулся к экрану.

– Синий с белыми полосами.

– Эх, учиться тебе ещё и учиться, – пробурчал Семёныч, после чего достал из ящика объёмистый том и подтолкнул его к Антону.

– «Цвета и знаки различия космического транспорта галактического содружества», – прочитал название сержант.

– Третья страница, – подсказал Семёныч.

Антон открыл книгу и увидел изображение синего корабля в белую полосу.

– Правительственный корабль империи Авакая.

– Точно. Не наш клиент. Садись учи справочник.

Антон нахмурился и, обиженно сложив руки на груди, уселся в кресло.

– Я не понимаю! Какого чёрта мы тут стоим, если не следим за правилами!

Семёныч оторвался от пасьянса и уставился на Прокофьева.

– Антоха, правила и законы пишут те, кто летает на таких вот кораблях. Они могут урезать бюджет на нашу зарплату, но не делают этого. Могут установить двадцатитрёхчасовой рабочий день, но не делают этого. Могут даже разместить наши посты в чёрных дырах, ввести униформу, состоящую из кожаных трусов и намордников, а ГАИ переименовать в любое другое слово из трёх букв. Но всего этого они не делают. А мы в знак благодарности их не останавливаем.

Они молчали минут десять. Потом прозвучал сигнал, и из врат вышел очередной корабль. Радар снова замигал. На этот раз Прокофьев не стал рваться к кнопке, глядел на Семёныча и ждал команды. Тот лишь мельком зыркнул на экран и вернулся к пасьянсу.

– Красный с золотистыми звёздами, – задумчиво произнёс Прокофьев, глядя на удаляющийся корабль. – А это чьё правительство?

– Чёрт его знает.

– То есть как?

– Я из справочника только первые десять страниц осилил.

Антон ошарашенно глядел на Семёныча.

– Так почему мы его не остановили?

– Ты ещё и на корабль внимание обращай. Это же «Запорожец-XXL»! Там одно кресло стоит больше, чем наш пост!

Прокофьева такое отношение к работе возмутило.

– Товарищ старшина, вы уж извините, но мы не можем делить нарушителей по классовым признакам! Закон один для всех!

От взгляда Семёныча, долгого и пристального, заморгала бы даже рыба.

– Пока все раскраски не выучишь – кнопку не трогай, – заявил, наконец, старшина и снова вернулся к своему пасьянсу.

Так прошло несколько дней. Жизнь Прокофьеву старшина облегчать никак не собирався. Например, привыкшего жить по распорядку Прокофьева очень бесило, когда после зарядки он не мог принять душ, потому что Семёныч брал книгу с кроссвордами и оккупировал санузел. На стук он не реагировал и не выходил как минимум в течение часа.

Каждый день Прокофьев проводил на посту свою восьмичасовую смену, и всегда рядом находился старшина, следящий за тем, чтобы сержант не трогал пролетающие мимо корабли.

Если сержант пытался спросить что-нибудь – старшина просто вручал ему очередной справочник. Иногда книга сопровождалась необязательными уроками «словесного унижения младших по званию».

Однако Антон не мог заставить себя читать все эти справочники, хотя во время учёбы глотал информацию запоем. У него сработал психологический блок. Как же так, в учебке он учился выполнять правила, а Семёныч заставляет его зубрить кипу информации, чтобы эти самые правила нарушать! Кого нельзя останавливать, чего нельзя делать и так далее.

Пару раз, когда Прокофьев оставался на посту сам, у него возникало желание остановить первого попавшегося нарушителя, но бунт служебного рвения был подавлен инстинктом самосохранения. Будущее Антона целиком зависело от того, что Семёныч напишет в отчёте по окончании стажировки Прокофьева.

Антон ненавидел себя за это. Что же получается? Он *столько* сделал, чтобы получить наилучшие рекомендации при выпуске, а теперь обязан *ничего* не делать, чтобы не получить негативный отзыв.

В свободное от вахты время Прокофьев был предоставлен самому себе. Семёныч его попросту игнорировал.

Не было даже ожидаемых Прокофьевым дежурств на кухне и нарядов по уборке. Так что сержант, не привыкший жить в грязи, попытался вычистить все жилые помещения по собственной воле. Потратив на уборку несколько дней, Антон так и не достиг желаемого результата. Стараниями Семёныча бардак на станции превратился в нечто стихийное, что невозможно уничтожить, можно лишь сдерживать. Подобно леднику. Или воде, которую перекрывают дамбой, но в конце концов дамбу прорвёт и всё заполонит Его Величество Бардак!

А ещё была музыка. Если можно было так назвать то сочетание звуков, напоминающее руководимую дирижёром лесопилку, которое постоянно слушал Семёныч. Антон уважал чужие вкусы, поэтому попытался свыкнуться с этой какофонией. Однако когда музыка включалась посреди ночи, тут уж никакого терпения не хватало.

В общем, происходящее доводило сержанта до состояния, близкого к бешенству.

На пятый день, потеряв всякую надежду добиться внимания старшины общечеловеческими методами, Антон решил попробовать другие способы. Нужно было найти общие

точки соприкосновения. Завязать диалог. Прокофьев нашёл у себя в вещах газету с пустым кроссвордом и пришёл на пост с ней. Однако попытка попросить у Семёныча подсказку привела лишь к тому, что старшина снова направился к стеллажу. Вернулся он, правда, не со справочником, как ожидал Антон. Семёныч принёс такую же газету, но с уже решённым кроссвордом, вручил её сержанту и прибавил громкость своей ужасной музыки. После этого он Прокофьева весь день игнорировал.

Сержант вернулся с дежурства в свою каюту, достал из ящика оставшийся от предыдущих напарников Семёныча блокнот и вписал в него все матерные эпитеты, которые смог вспомнить. Потом придумал несколько словосочетаний, не внесённых ни в один словарь ненормативной лексики, и дописал ещё их. Помогло.

На седьмой день Прокофьев решил пойти на кардинальные меры. Раз Семёныч не хочет общаться с нормальным сотрудником ГАИ, так, может, решит поговорить с кем-то, похожим на него? Достигнув такого вывода, Антон проспал своё дежурство. Точнее, он просто не стал выходить из своей каюты в привычное время, а когда к нему заглянул Семёныч – сержант прикинулся спящим.

Как говорится, «лёд тронулся». Вот только этот самый лёд оказался айсбергом, поджидающим «Титаник». И весь следующий день Антон полировал внешнюю обшивку станции обувной щёткой. Вдобавок оказалось, что любимая старшиной музыка доносится не только из динамиков на станции, но ещё и транслируется на стандартной частоте ГАИ. Так что Прокофьев вынужден был слушать этот бедлам ещё и в открытом космосе.

Когда он вернулся в каюту, то достал дощечку с портретом и несколько часов упражнялся в игре в дартс. Помогло.

Кстати, скафандр на посту оказался только один, и, проглотив злобу, Антон направился к Семёнычу.

– А где второй скафандр? – спросил сержант.

– Моль съела.

– Ага. Моль. Скафандр. И что же это за моль такая?

– Инопланетная. Я за этими тварями с огнёмётом два дня гонялся.

Прокофьев криво улыбнулся. Как же! Моль, мыши, тараканы – типичные причины исчезновения любых вещей испокон веков! То мыши съедят годовой запас продовольствия на складе, то тараканы сгрызут сейф с документами перед проверкой налоговой. Загнал старшина скафандр налево, да и всё! Антон всерьёз задумывался над тем, чтобы написать рапорт об исчезновении скафандра, пока при уборке случайно не наткнулся на обгоревший трупик насекомого, похожего на моль, только размером с кулак. Из зубов твари торчал клочок синей металлизированной ткани. Оставалось надеяться, что Семёныч уничтожил всех насекомых и оставшемуся скафандру ничего не угрожает.

На девятый день Прокофьев заметил, что Семёныч использует беруши, когда включает свою «любимую» музыку.

В этот раз не помогли ни блокнот, ни дартс, ни даже кукла вуду в форме Семёныча, которую Антон истыкал иглой и напоследок вбил в неё два гвоздя.

А на десятый день всё изменилось.

Прокофьев вошёл на пост после добровольного дежурства на кухне. Семёныч раскладывал карточный пасьянс на пульте управления. Только карты он использовал не человеческие, а какие-то необычные. Они были шестиугольные, и не ровные, а выпуклые.

– Что это у вас за карты? – спросил сержант. Он уже выучил, что единственные вопросы, которые не влекут за собой перелистывание справочников, – это вопросы о гололомокках.

– Комианские.

Прокофьев подошёл поближе, чтобы рассмотреть карты, но когда увидел, что там изображено, скривился и поспешно отвернулся. Карты были с эротическими фотографиями. А голые комианцы – это зрелище, которое может смутить даже патологоанатома.

– Семёныч! Вы где такую гадость отрыли?

– Конфисковал. Я тож долго привыкнуть не мог, поначалу картинки пластырем заклеивал. А потом – нормально. Привык.

– А человеческие нельзя использовать?

– В комианской колоде восемь сотен карт против земных пятидесяти двух. А ихние пасьянсы – это нечто!

Прокофьев снова повернулся к столу, пытаясь не замечать карты, которые замысловатыми узорами заполнили всю столешницу.

– Семёныч, а зачем вам все эти пасьянсы, кроссворды, ребусы? Неужто других занятий нету?

– Головоломки, Антоха, думалку развивают. Ну и от скуки тоже помогают.

Включилась система связи, на мониторе за пеленой шума просматривался человек в форме ГАИ.

– Пост триста семьдесят шесть! Приём! Вызывает Штаб!

– Вот чёрт, – сказал Семёныч, с грустью глядя на почти разложенный пасьянс.

– Триста семьдесят шестой слушает, – буркнул старшина в микрофон и принялся торопливо сгребать карты со стола в ящик.

– Пост триста семьдесят шесть, как слышите, помехи в связи!

Очистив стол, Семёныч покрутил пуговицу на гавайке, и, к удивлению Прокофьева, изображения пальм потускнели, и рубаха приобрела положенный по уставу синий цвет. Шорты удлинились и превратились в брюки. Прокофьев слышал про костюмы-хамелеоны, одну из секретных военных разработок, но откуда он взялся у старшины, так и осталось загадкой. Приведя свой вид в соответствие уставу, Семёныч перебросил пару тумблеров на пульте, и связь наладилась.

Прокофьев рассмотрел на мониторе мужчину с погонами лейтенанта.

– Товарищ полковник, – крикнул лейтенант в сторону. – Есть связь!

Вскоре на экране появился полковник Рыков.

– Колодин, кофе мне, – бросил он лейтенанту и повернулся к монитору. – Значит, так, старшина, мы получили наводку! Мимо вас в двенадцать тридцать семь пройдёт корабль с контрабандой. Задержать. Конец связи.

В этот момент появился лейтенант Колодин и протянул полковнику чашку. Тот сделал глоток и скривился.

– Прапорщик Колодин, сколько я просил положить сахара?

– Э-э-э... Три ложки?

– Две ложки! Две, прапорщик!

– Виноват... Только я лейтенант...

– Лейтенант знает разницу между числами два и три, прапорщик Колодин, – заявил полковник и отключил связь.

По взгляду Семёныча Прокофьев понял, что отныне система связи для старшины враг номер один.

Корабль появился в двенадцать тридцать четыре.

– Антоха, переведи часы, – сказал Семёныч и, запустив систему захвата, наклонился к рации.

– Зачем? Я сегодня утром выставил точно по галактическому времени.

– Ты хочешь в протоколе написать, что полковник Рыков ошибся с наводкой?

Прокофьев вспомнил прапорщика Колодина и перевёл часы на три минуты вперёд.